

Политическая власть

Алексей Величко

Алексей Величко

Политическая власть

«Автор»

2023

Величко А. М.

Политическая власть / А. М. Величко — «Автор», 2023

Рассуждение о природе политической власти, а попытка автора ответить на глобальные вопросы: почему миллионы готовы подчиниться воле одного? В чем феномен власти? И когда наступает та черта, за которой и власть становится бессильной?

© Величко А. М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

I	6
II	8
III	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Алексей Величко

Политическая власть

«Власть дается для обеспечения процветания государства, и никак иначе»

Долеман Р (Парсонс Роберт)¹

«Добродетель гражданина, заключается в способности прекрасно и властвовать, и подчиняться».

Аристотель²

«Там, где никто не подчиняется, никто и не властвует»

С.А. Котляревский³.

Кто станет отрицать, что «тайна власти, тайна подчинения людей носителям власти до сих пор не вполне разгадана»? Уже не одно тысячелетие человека мучают вопросы: «Почему огромное количество людей, на стороне которых есть преобладание физической силы, согласны подчиняться одному человеку или небольшой группе людей, если они носители власти?»⁴. Что такое общественная власть и как она вообще возможна?⁵. Увы, при невероятном разнообразии различных умственных течений ни одна научная теория так и не смогла полноценно объяснить, откуда возникает руководящая государством воля и как образуется власть, соединяющая общество воедино?⁶

Общеизвестно, что в социальной среде власть проявляется многообразно: мы знаем власть мужа над женой и детьми (власть «отца семейства»), начальника над подчиненным, господина над рабом, победителя над побежденным, сильного над слабым, богатого над бедным и т. п. Но свой апогей она находит во *власти политической*, верховной в государстве. Исключительно она покрывает собой не только членов семьи, работников коммерческого предприятия, жителей разных городов и областей и т. п., а *всех* без исключения людей данного конкретного общества и даже за его границами.

Было бы наивным полагать, будто одна-единственная статья разом озарит светом истины столь глобальные проблемы, раскроет природу политической власти. Но, как известно, в истории человеческой мысли часто постановка вопроса оказывается важнее, чем ответы на него. «Как мало проблем, решенных окончательно и бесповоротно! Как мало готовых истин, о коих мы с уверенностью полагаем, что они останутся неизменными»⁷.

Не забывая этого мудрого предостережения, начнем свое исследование...

¹ Долеман Р. (Парсонс Роберт). Рассуждение о наследовании Английского престола. 1594. М., 2013. С. 113.

² Аристотель. Политика. Книга III, глава II, 7. 1277a//Аристотель. Сочинения. В 4 т. Т.4.М., 1983. С.451.

³ Котляревский С.А. Власть и право. Проблемы правового государства. М., 1915. С.12.

⁴ Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря//Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. М., 1995. С.315.

⁵ Франк С.Л. Проблема власти (социально-психологический этюд)//Франк С.Л. Полное собрание сочинений. Т.2. М., 2019. С.251.

⁶ Еллинек Георг. Общее учение о государстве. СПб., 1908. С.121.

⁷ Котляревский С.А. Власть и право. Проблемы правового государства. С.3.

I

Какое свойство, как считается, наиболее ярко характеризует природу власти в целом? Традиционный ответ известен: «Власть есть воля, имеющая право повелевать»⁸. Те же свойства обнаруживают в природе и политической власти, которая обладает способностью принуждать всех к безусловному исполнению своей воли, а кроме того *самодостаточна*⁹. Значение ее столь велико, что именно с ней многие правоведы накрепко связывают понятие «суверенитет государства»¹⁰, что, в общем-то, логично и последовательно. Государственная власть потому и называется «верховой», что выше ее в данном обществе никакой другой нет и быть не может. Она независима извне и верховная внутри, не ограничена, может воздействовать на волю подвластных настолько, насколько это физически допустимо, и неделима¹¹.

В целом власть политическую понимают, как *волевое принуждение*, направленное на создание того, что служит общему благу, т. е. *справедливости*¹². И ради достижения этой высокой цели – «социализации народного характера, приспособления его к разумному общежитию» под эгидой единого для всех закона¹³, за политической властью признается право применять силу и даже *насилие* по отношению ко всем, кто стоит у нее на пути. Проще выражаясь, в известной степени (а иногда и *значительно*) ограничивать свободу индивида. Волевой и принудительный (силовой) характер политической власти стали своего рода аксиоматическим набором качеств, охотно признаваемым практически всеми исследователями.

Так, для Платона (424–347 до Р.Х.) власть – это синоним *подчинения*: отцовской и материнской власти, неблагородных лиц – благородным, младших – старшим, рабов – господам, неразумных – разумному, всех людей – богам¹⁴.

По Г.В.Ф. Гегелю (1770–1831), власть есть *воля*, подчиняющая себе через право¹⁵.

С ними солидарны носители не менее громких в правоведении имен: «Власть есть сила и притом волевая *сила*, а по видовому отличию своему она является *правовой силой*. Это выражается в том, что она есть способность к воздействию и влиянию»¹⁶.

Приводят и такой довод, должный подтвердить предыдущее определение: «Что такое политическая власть? Если взять это понятие строго реалистически, без всякой метафизики, то оно сводится к тому, что на определенной территории одни люди приказывают, запрещают и разрешают, а другие более или менее беспрекословно им повинуются»¹⁷.

Свойство власти *подчинять* себе человека подчеркивается и в следующем утверждении: «Не так трудно представить себе государство, чрезвычайно отличное от нашего настоящего и прошлого о нем опыта, но нельзя мыслить его без властвования и подчинения»¹⁸.

Французский правовед Леон Дюги (1859–1928) доказывал, что власть принуждения составляет *обязательное* условие, которому должна удовлетворять всякая властвующая группа

⁸ Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. В 3 т. Т.1. М., 1894. С.6.

⁹ Еллинек Георг. Общее учение о государстве. С.130.

¹⁰ Дюги Леон. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С.156.

¹¹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. В 4 выпусках. Выпуск 1. М., 1911. С.214, 215, 217, 220.

¹² Аристотель. Политика. Книга III, глава VII,1. 1282b. С.450.

¹³ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. В 2 т. Т.2. СПб., 1910. С.690.

¹⁴ Платон. Законы. В 12 книгах. Книга 3. 690 а, b, с// Платон. Сочинения. В 3 т. Т.2. Часть 2. М., 1972. С.160, 161.

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С.393.

¹⁶ Ильин И.А. О сущности правосознания//Ильин И.А. Собрание сочинений. Т.4. М., 1994. С.293.

¹⁷ Спекторский Е.В. Христианство и культура. М., 2013. С.278.

¹⁸ Котляревский С.А. Власть и право. Проблемы правового государства. С.11.

людей. Конечно, оговаривался он, само по себе принуждение не образует политической власти. Однако без нее никакая власть таковой считаться не может¹⁹.

Для известного русского канониста Н.А. Заозерского (1851–1919) понятием «власть» также обозначается способность действовать посредством права, при этом все граждане обязаны беспрекословно повиноваться властителям под страхом ответственности за непослушание²⁰.

Эти и аналогичные формулировки кажутся столь естественными, что их некогда охотно использовал в своих работах и автор данных строк, забывая, что самое очевидное еще не есть истинное.

Безусловно, достижение общего блага невозможно без изъятия у индивида его свободы, пусть даже и потенциально-гипотетической, в действительности у него отсутствующей, и *навязывания* ему политической властью общих правил поведения и действия. Собственно говоря, такое навязывание и есть проявление воли, силы и принуждения. Но оно совершенно неизбежно: любой закон, принимаемый политической властью, носит общий характер, формален, рассчитан на «среднего» человека, являет собой в известной степени «прокрустово ложе», отсекающее все «лишнее», пусть даже оно принадлежит к выдающимся явлениям. *Общий мир и общая правда* «для всех» важнее частного интереса, пусть даже за ним стоит гений и талант. Так было, есть и будет всегда, меняются лишь *способы* принуждения, применяемые политической властью, и границы ограничений, налагаемых ею на индивида.

Казалось бы, эти жертвы не напрасны, поскольку лишь при обеспеченном властью порядке человек только и может существовать мирно и безопасно, развиваясь как личность. Однако, как многократно демонстрирует история, власть политическая нередко хладнокровно преследует собственные интересы в ущерб общественным, принимая *деспотические* черты. Не удивительно поэтому, что часто она наделяется самыми мрачными характеристиками «душителя свободы». Как минимум, некоторые осторожные умы ставят под сомнение приписываемые власти благодеяния, ради которых ее приходится терпеть. А известный современный политолог (разумеется, не он один) без обиняков определяет политическую власть, как силу *чуждую* обществу²¹.

Еще более мрачный характер имеет следующая классическая эпитафия: «Власть возникла против воли Бога. От Бога происходит лишь свобода, а не власть. Бесспорно, начало власти связано с существованием зла. Власть принуждена бороться с проявлениями зла, в этом ее функция. Но она сама сеет зло и бывает источником зла. *Всякая власть*, открыто и прикрито, заключает в себе яд»²².

Но разнятся не только оценки политической власти. При здравом размышлении такие ее «общепризнанные» свойства, как сила, воля и принуждение, на поверку выглядят не столь очевидными, как кажется на первый взгляд.

¹⁹ Дюги Леон. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С.367.

²⁰ Заозерский Н. О церковной власти. Сергиев Посад, 1894. С.1.

²¹ Джессон Боб. Государство: прошлое, настоящее и будущее. М., 2019. С.192.

²² Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. С.313, 314, 316, 317.

II

Употребляя выражения «воля», «сила», «власть», «право», «государство», мы должны отдавать себе отчет в том, что перед нами не столько (или не только) юридические, политические или социологические понятия, но психологические, а также философские – в зависимости от контекста, в котором они употребляются. Поэтому их рассмотрение в совокупности должно удовлетворять конкретному методу: соединять право в юридическом, позитивном смысле в одном суждении с силой, как психическим явлением – тоже самое, как смешивать горячее и соленое. Но именно это зачастую происходит в научной литературе, этот же подход прочно закрепился и в обыденном сознании, что приводит к весьма сомнительным выводам. Приведем рядовой пример.

Как известно, с политической властью органично связаны понятия «правовая деятельность», «законодательное регулирование» – иначе чем государство отличается от иного общественного союза?! И, как издавна принято утверждать, тем-то закон (право) и отличается от нравственности, что последняя обращена к нашей личной воле и исполнение ее правил всецело отдано на откуп нашему осознанному выбору²³.

Напротив, право (закон), как говорят, по самой своей природе имеет свойство *принуждения, силы*. Именно по той причине, что исходит от политической власти, которая в существе своем сама есть принуждение. И ей все равно, вследствие *каких* мотивов человек подчинится закону – из опасения наказания или исходя из высших побуждений. Главное, чтобы гражданин исполнил закон, *подчинился власти*, этот закон принявшей.

Однако это на первый взгляд очевидное различие таит в себе множество вопросов и «но». В одной из незаслуженно забытых потомками работ И.А. Ильина (1883–1954), тогда еще совсем молодого правоведа, справедливо обращается внимание на то, что в самой постановке вопроса: «Есть ли право – сила?» таится методологическая ошибка, поскольку здесь явления разного рода искусственно уравниваются между собой. «Нельзя сказать, «право есть сила» или «право не есть сила», т. к. оба ответа можно понять в смысле реального совпадения или несовпадения обоих моментов».

Ильин обоснованно утверждал, что право, как норма или теоретическое суждение, и право, как сила, – суть понятия, лежащие в *методологически-индифферентных* рядах. Как следствие, «все конструкции правовых понятий, которые вносят в юридические определения момент силы – сливают два методологически-индифферентных ряда и должны быть признаны неюридическими». Право может рассматриваться как сила, но может рассматриваться и в таком понимании, которое не допускает его сближения с силой. Праву присущи все признаки силы в *реальном* правосознании; праву не присущ *ни один* из признаков силы в «юридическом» правопонимании, т. е. нормативном²⁴.

Очевидно, различие права и нравственности по наличию принуждения, силы в одном и отсутствию их в другом явлении, *ошибочно* по самой своей сути. И право бывает «не принудительным» (например, декларативные нормы, нормы «мертвого права»), и нравственные правила зачастую принуждают человека силой общественного мнения сильнее, чем всякий закон, пугающий слушника грозной санкцией за неисполнение²⁵.

Следовательно, все свидетельствует о том, что их никак невозможно отнести к различным сферам социального бытия, но, напротив, позволяет обоснованно предположить *онтологическое единство* права и нравственности. Разве чувство долга у морально состоявшегося

²³ Чичерин Б.Н. Философия права//Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998. С.145.

²⁴ Ильин И.А. Понятие права и силы//Вопросы философии и психологии. Книга 101 (1). М., 1910. С.18, 19, 23, 37.

²⁵ Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. С.31, 32.

лица не сопутствует исполнению им в равной мере и юридической нормы, и нравственного требования?²⁶ И, наоборот: «Атрибутивное сознание правового долга, оказывает более сильное давление на поведение, нежели сознание чисто нравственного, без права для другого, долга»²⁷.

²⁶ Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. СПб., 2001. С.120.

²⁷ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т.1. СПб., 1909. С.144.

III

Тоже самое следует сказать и по отношению к власти, природа которой, как уже говорилось, обычно сводится к воле, силе и принуждению. Однако, отрешаясь от классических формулировок, блестящий русский правовед Н.М. Коркунов (1853–1904) некогда отмечал, что хотя власть и характеризуется как сила, данное свойство обусловлено не столько волей властвующего, сколько сознанием *зависимости подвластного*²⁸. Вслед за ним блестящий цивилист, звезда российского правоведения Г.Ф. Шершеневич (1863–1912), также настаивал на том, что неправильно представлять себе политическую власть, как волю. Ведь сама по себе воля еще не власть, воля вполне даже может оказаться и *бессильной*²⁹.

Действительно, что такое – воля, которой придается столь много значения? По вполне очевидному определению, она представляет собой осуществление стремлений, всякое *действие*, имеющее целевой характер. «Под волей разумеется способность нашего духа устанавливать по своему собственному хотению и усмотрению ряд деяний, независимо от необходимой связи причин и действий»³⁰. В свете сказанного не так уж и безосновательна мысль, что вся жизнь человека может быть разложена на отрезки, состоящие из волевых актов³¹.

Казалось бы, из этого определения следует, что воля должна носить не только субъектный характер (принадлежать конкретному лицу), но и объектный, т. е. направляться для достижения конкретной цели. В этом и заключается *волевой характер* власти. Однако на самом деле воля может быть и «нелепой», не иметь ясного практического смысла, вообще действовать без представления того, *что* нужно совершить³². Но что это за власть, не знающая, *к чему* принуждать человека?!

Далее нас ждет еще одна неожиданность: аксиоматичным считается утверждение, будто государственная власть – не просто воля, но и *воля единая*, господствующая над всеми в государстве. Однако это утверждение логически также несостоятельно, поскольку если два человека не могут иметь одной, единой воли, то что тогда говорить об обществе, состоящем из множества индивидов?!³³.

Действительно, если признавать волю принадлежностью *личности*, то нельзя сказать, что политическая власть есть воля государства, которое, конечно же, личностью не является³⁴. Более того, государство являет не одно, а *бесчисленные* отношения властвования: сколько подвластных, столько и отношений властвования³⁵. О каком единстве воли может идти в этом случае речь?!

Убийственные для теории «общей воли» контрдоводы приводил и другой корифей нашей отечественной правовой науки Л.И. Петражицкий (1867–1931): «Представители теории «общей воли», конечно, знают и не отрицают, что, например, большинство действующих в любом государстве законов не только не представляет продукта воли всех граждан, но даже большинству граждан вообще неизвестны и не были никогда известны, так что никакой определенной воли соответственно правил поведения граждане не имеют и не имели; что в действи-

²⁸ Коркунов Н.М. Указ и закон. СПб., 1894. С.181.

²⁹ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Выпуск 1. С.223.

³⁰ Гогоцкий С.С. Философский лексикон. В 4 т. Т.1. Киев, 1857. С.542.

³¹ Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей//Лосский Н.О. Бог и мировое зло. М., 1994. С.310.

³² Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности, основы эмоциональной психологии (1908 г.) // Петражицкий Л.И. Теория и политика права. Избранные труды. СПб., 2010. С.497.

³³ Ивановский В.В. Учебник государственного права. Казань, 1909. С.74.

³⁴ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Выпуск 1. С.222.

³⁵ Еллинек Георг. Общее учение о государстве. С.121.

тельности в законодательстве решающее значение имеет *воля одного лица* (например, абсолютного монарха) или нескольких, немногих лиц из народа»³⁶.

Если же от метафизики перейти в области эмпирики, то без труда выяснится, что подлинная история конкретных государств демонстрирует картину непрерывной борьбы *многих волей* меж собой. И эта «многовольность» не только не характеризует негативно данное общество, но, напротив, является признаком *здорового* социального тела. Ведь такая борьба ведется для того, чтобы определить общие интересы, цели и приоритеты деятельности политической власти³⁷.

В этой броуновской борьбе сотен тысяч и миллионов индивидуальных волей размывается не только якобы единая государственная воля (если даже она и возникла ранее), но неожиданно может исчезнуть и сам *субъект воли*, как реальное лицо. Ведь властвовать может не только живой человек или группа лиц, но и умершие, *воображаемые существа* и вообще отвлеченные идеи³⁸. И для человека, подчиняющегося власти другого, «в сущности, одинаковое значение имеет и действительная воля властвующего, и только *воображаемая*

³⁶ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т.1. С.286.

³⁷ Коркунов Н.М. Указ и закон. С.130.

³⁸ Котляревский С.А. Власть и право. Проблемы правового государства. С.11.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.